

После окончания дежурства Лу Шэн отправился выпить с Шэнь Лунем и рассказал ему о происшествии в Сяоличжуане. Разумеется, версия ничем не отличалась от той, которую доложил Байли Сяо. Шэнь Лунь осушил чашу одним глотком, поставил её на стол и вздохнул:

— Кто бы мог подумать, что всё и вправду устроили несколько диких волков.

Тело даоса тоже нашли, поэтому дело закрыли быстро и без лишних осложнений. Все свои сомнения Лу Шэн спрятал глубоко в душе и никому о них не рассказывал. Теперь приходилось скрывать правду даже от ближайшего друга, и Лу Шэн невольно почувствовал себя немного виноватым. К счастью, Шэнь Лунь особого интереса к этому делу не проявлял. Он быстро сменил тему, и они заговорили о другом. Лу Шэн охотно поддержал разговор. Вечер прошёл за приятной беседой.

На следующий день ему доставили приглашение от Се Жуна. Лу Шэн с радостью принял его и отправился в гости. Хотя Се Жун приглашал на пир, всё устроили довольно просто: в боковом зале подали двенадцать блюд — шесть холодных и шесть горячих. Тончайшие ломтики окуня сияли, словно свежее выпавший снег. Солёная утка была белой и нежной, как яшмовый кирпичик. Фаршированная вигна блестела прозрачной зеленью, будто звенья изумруда. Жареная оленина отливала густым красно-коричневым цветом и источала насыщенный аромат. Нежный молочный десерт в нефритовой чаше блестел жирным глянцем и таял на языке. Глаза разбегались от одного блюда к другому. А к ним подавали грушевое вино с лёгким зеленовато-голубым оттенком — сладкое, чистое и освежающее.

Перед таким столом невозможно было устоять. Лу Шэн церемониться не стал и ел с огромным удовольствием. Се Жун сидел рядом и пил. Даже делал он это необычайно красиво: лёгкий поворот запястья — и белая нефритовая чашечка опустела. Одна за другой, незаметно исчезла уже половина кувшина. Лу Шэн удивлённо отложил бамбуковые палочки.

— Се Жун, помедленнее.

Се Жун протянул чашу Жося, чтобы та снова наполнила её, и негромко рассмеялся:

— К чему спешка? В погребе ещё больше десятка кувшинов «Грушевого цветения». На твою долю вина хватит.

Уши Лу Шэна слегка покраснели.

— Кто зарится на твоё вино? Думаешь, мне три года? Я всего лишь боюсь, что, если будешь так быстро пить, навредишь здоровью.

Се Жун едва заметно улыбнулся.

— Ничего страшного.

Вдруг снаружи послышался звонкий мужской смех. В зал вошёл наследник князя Пэнчэна Сыма Юй.

— Жосюй славится крепкой головой. Для него немного «Грушевого цветения» всё равно что вода. Гунцао Лу явно его недооценивает.

Слуги в зале поспешно поклонились. Хотя Лу Шэн мысленно посетовал на незваного гостя, ему тоже пришлось подняться и вместе со всеми приветствовать вошедшего:

— Приветствуем ваше высочество наследника.

Только Се Жун по-прежнему лениво полулежал на кушетке. Он неторопливо поставил чашу на чёрный лакированный столик с перламутровой инкрустацией.

— Подать место.

Сыма Юй не стал церемониться. В сверкающем серебряном одеянии, стройный и изящный, он подобрал полы халата и сел. Се Жун занимал главное место. До его прихода Лу Шэн сидел справа, но теперь должен был уступить почётную сторону наследнику и пересесть налево. Один из сидевших был членом императорского рода, другой — отпрыском великого аристократического клана. Оба принадлежали к высшей знати. И лишь Лу Шэн происходил из простого рода. Он сразу почувствовал себя не в своей тарелке. Не выпей он уже немного вина и не будь слегка навеселе, наверняка нашёл бы предлог уйти. Но Се Жун неожиданно изменил привычной холодности. Он собственноручно поднял белый фарфоровый кувшин и налил Лу Шэну вина.

— Наследник человек широких взглядов, не придаёт значения пустым церемониям и не делит людей на знатных и незнатных. Баоян, не стесняйся.

Лу Шэн совершенно не ожидал услышать от него своё второе имя. Сердце невольно дрогнуло, а уши запылали ещё сильнее. Растерявшись, он поспешно поднял белую нефритовую чашу.

— Этот подчинённый пьёт за ваше высочество.

Сыма Юй холодно вато наблюдал за их обменом репликами, а затем вдруг рассмеялся. Он поднял свою чашу и выпил вместе с Лу Шэном.

— С каких пор Жосюй так переменился? Когда это ты стал настолько заботлив к людям?

Как только чаша Лу Шэна опустела, Се Жун снова её наполнил. Жося тем временем подошла к Сыма Юю и подлила вина ему. Се Жун улыбнулся:

— Мы с этим маленьким другом прекрасно поладили с первой встречи. К тому же я на несколько лет старше, потому невольно присматриваю за ним.

Лу Шэну только исполнилось двадцать, Се Жуну было двадцать четыре. Услышь такие слова от кого-нибудь другого — ничего странного. Но из уст надменного, отстранённого Се Жуна, который обычно словно вообще не замечал окружающих, они звучали неожиданно. Лу Шэн, однако, сразу всё «понял». До появления наследника Се Жун относился к нему то тепло, то холодно, а стоило Сыма Юю войти, как мгновенно стал внимательным и заботливым. Очевидно, делал это не просто так. Лу Шэн вспомнил многочисленные истории о любовных похождениях Сыма Юя и окончательно утвердился в своей догадке: наследник наверняка очарован красотой Се Жуна и не даёт ему покоя. Бедняге Се Жуну даже приходится прибегать к таким уловкам, чтобы отбиться. Раз уж так, Лу Шэн решил ему помочь.

Се Жун наливал — он пил. Время от времени ещё и поднимал чашу за наследника, надеясь поскорее напоить Сыма Юя и отправить его домой. Сыма Юй пил не менее охотно, большими глотками, продолжая непринуждённо болтать с ними обоими. Не прошло и половины времени, за которое сгорает палочка благовоний, как целый кувшин опустел. Наследник повернулся к Лу Шэну и вдруг усмехнулся:

— ...А маленький друг уже пьян.

Лу Шэн действительно давно не выдержал. Он лежал, уронив голову на столик, и не подавал признаков сознания. Се Жун поставил чашу.

— В таком случае я тоже больше не могу составлять вашему высочеству компанию. Прошу возвращаться.

Сыма Юй также отложил чашу и тяжело вздохнул.

— Жосюй, при наших отношениях зачем ты постоянно держишь меня за тысячу ли от себя? Ещё и постороннего человека втянул в игру.

Се Жун поднялся — судя по всему, действительно собирался проводить гостя к двери.

— Я лишь исполняю приказ наставника и помогаю князю Пэнчэна. С вашим высочеством у меня нет личной дружбы, и заводить её я не намерен. Если в будущем вам понадобятся мои услуги, просто пришлите человека с поручением, и я сделаю всё, что смогу. Вашему высочеству незачем тратить на меня мысли.

Сыма Юю тоже пришлось встать.

— Жосюй, скажу прямо. Когда-то у меня действительно были недостойные мысли. Но ты слишком силен: победить тебя я не могу, обмануть тоже. Да и самому ложиться под мужчину

не желаю, так что от тех мыслей давно отказался... Теперь я всего лишь хочу стать тебе близким другом.

Се Жун уже наклонился и поднял спящего Лу Шэна на руки.

— Благодарю ваше высочество за доброе намерение.

Увидев, что это ничуть его не тронуло и он уже выходит из бокового зала, Сыма Юй поспешно сделал шаг вперёд.

— Жосюй...

Се Жун остановился. Огонь свечей отражался в его длинных фениксовых глазах, заставляя их сверкать. Он повернул голову и улыбнулся:

— Ваше высочество прибыли из Сюйчжоу и, возможно, не слышали местных слухов. Говорят, Се Жун — проклятое дитя, рождённое под зловещей звездой Раху.

Зловещая звезда Раху пожирала солнце, затмевала луну и скрывала облаками небеса. В буддийских преданиях её считали одной из самых губительных звёзд. Раз в сто лет она якобы нисходила в мир людей, и тогда рождались дети зловещей звезды. Поскольку они появлялись под её влиянием, считалось, что несчастье заложено в них от рождения. Войдут ко двору — падёт государство. Приблизятся к дому — погибнет семья. Боги их ненавидят, духи сторонятся, люди бегут прочь. Родись такой ребёнок в простой деревне, его давно бы убили, не дожидаясь беды. Чем сильнее буддизм распространялся в Великой Цзинь, тем больше людей верило, что зловещие звёзды способны приносить смуту. За многие годы это суеверие укоренилось чрезвычайно глубоко.

Сыма Юй, разумеется, тоже слышал подобные истории. Лицо его застыло.

— Кто посмел распускать такую клевету? Я велю его казнить!

Се Жун тихо рассмеялся.

— Бывший настоятель монастыря Синшань, наставник Чжаочжэнь, собственноручно вынес этот приговор. Его словам ваше высочество вряд ли осмелится не поверить.

Он ушёл из жизни шесть лет назад. Он более тридцати лет постигал буддийское учение и пользовался огромным уважением. Никто не поверил бы, что такой человек без причины разрушит чужое будущее. А четыре слова — «дитя зловещей звезды» — означали для Се Жуна, что он на всю жизнь лишён возможности поступить на государственную службу. Вот почему потомок великого клана Се из Чэньцзюня до сих пор оставался простолюдином без чина, тогда как его младший брат Се Цзинь, будучи совсем молодым, уже дослужился до четвёртого ранга

и имел блестящие перспективы. Сыма Юй верил не до конца, но рисковать не решался. Как член императорского рода, он якобы был особенно уязвим перед влиянием зловещих звёзд. А у него имелись большие амбиции — здесь нельзя было допустить ни малейшей ошибки.

Он некоторое время колебался и наконец решился:

— Се Жун...

Но Се Жун уже вышел из зала. Даже спины его больше не было видно.

* * *

Се Жун нёс Лу Шэна по галерее на руках, затем вошёл в гостевую комнату западного двора и положил его на постель. Только тут он почувствовал прохладу на груди. Опустив взгляд, Се Жун заметил влажное пятно на одежде. У Лу Шэна уголки глаз тоже были мокрыми и покрасневшими. Се Жун не знал, смеяться ему или плакать.

— ...Ты же гвардеец Юйлин. Чего разревелся?

На самом деле Лу Шэн пришёл в себя ещё в середине разговора Се Жуна с Сыма Юем. Вмешиваться ему было неудобно, поэтому он продолжал притворяться спящим. Кто же знал, что так он услышит настолько потрясающую тайну. Теперь становилось понятно, почему при живых родителях Се Жун всё равно жил отдельно и почти не общался с роднёй из дома Се. Вероятно, всё из-за этих слухов: есть семья — а вернуться домой нельзя. Лу Шэн ещё не протрезвел, поэтому совершенно не умел скрывать чувства. Чем больше думал, тем сильнее становилось его горе, и слёзы никак не прекращались. Услышав насмешку Се Жуна, он шумно втянул носом воздух, потёр покрасневший кончик носа и сердито посмотрел на него.

— Что за мерзкий монах! Шарлатан, несущий любую чушь! Вот увидишь: когда-нибудь я отправлюсь в Синшань, раскопаю его могилу и выпорю труп плетью!

Выражение Се Жуна стало странным, словно он одновременно хотел смеяться и не знал, что ответить.

Через некоторое время он сказал:

— Тело наставника Чжаочжэня давно кремировали. Остались лишь три шариры, которые хранятся в Башне Тысячи Будд.

— Тогда украду шариры и выброшу в Великую реку — пусть рыбам достанутся!

— Башню круглосуточно охраняют шестьсот монахов-воинов. Даже величайший вор,

способный ходить по крышам и стенам, туда не проберётся.

Лу Шэн рассердился ещё сильнее. Он схватил Се Жуна за рукав.

— Ну что ты за человек! Только чужую силу превозносишь, а свою принижаешь! Се Жун, вот увидишь: рано или поздно я украду эти шарирь и отдам тебе вместо шариков для игры!

Се Жуну хотелось спросить: «А рыбаь уже не отдашь?» — но он решил не дразнить пьяного слишком сильно и лишь беспомощно вздохнул.

— Лу Шэн, ты пьян.

Ответа не последовало. Лу Шэн уже снова уронил голову на подушку и крепко заснул, негромко посапывая. Выражение Се Жуна постепенно стало серьёзным. Он слегка пошевелился и лишь тогда обнаружил, что Лу Шэн всё ещё держит его за рукав. Се Жун невольно улыбнулся, осторожно высвободил ткань из пальцев спящего и некоторое время смотрел на него. Убедившись, что Лу Шэн спит крепко, он протянул руку и медленно распустил завязки на его одежде, обнажив крепкую, хорошо сложенную грудь молодого гвардейца.

<http://bllate.org/book/22499/2375507>